

УДК 821.161.1.09

Е.В. Хинкиладзе**О СВОЕОБРАЗИИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ УТОПИИ 1920-Х ГГ.**

В 1920-е–1930-е гг. было написано несколько произведений, которые могут быть отнесены к жанру литературной (повествовательной) утопии. Они занимают свое место среди утопий другого типа, которые Л. Геллер и М. Нике называют умозрительными («политическая литература, журналистика, трактаты, эссе и т.д.») [5]. В последние десятилетия интерес к утопиям и антиутопиям активизировался. Как справедливо заметил Б. Витенберг, у этой проблемы в России, «как и у всякого предмета научного исследования вообще, имеется своя, как говорится, “история вопроса”» [3]. Он отсчитывает эту историю с публикации М.Я. Геллером и А.М. Некричем книги «Утопия у власти» (1982), которая стала своего рода прорывом в осмыслении умозрительных утопий XX в. С тех пор исследователями немало сделано для изучения генезиса утопии, ее жанрового своеобразия, проблематики, причем в различных областях гуманитарного знания: в литературоведении, культурологии, социологии, политологии и пр. В связи с генезисом утопии культурологи и социологи, прежде всего, решают проблему социокультурных моделей. Для литературоведческих работ характерно истолкование утопии как жанра научной или социальной фантастики, пояснение особенностей поэтики утопии в ходе анализа специфики антиутопии, использование достижений литературоведения для публицистической интерпретации проблематики утопии в ее соотношении с современностью.

Л. Геллер и М. Нике под утопией понимают произведения, соответствующие особенностям исторически сложившегося жанра, а также произведения различных жанров, созданные в русле «некой утопической концепции». Они различают повествовательные и умозрительные утопии и их «эпифеномены»: «антиутопию, как негативную модель, и контрутопию, как позитивную модель, построенную

в ответ на другую позитивную модель» [5]. Названные классификации объединяют представления о судьбе человека, причем в дихотомических утопиях акцент переносится с условий его жизни на него самого (эвпсихии) или на преобразование внешнего мира, который, в свою очередь, изменит человека и человечество [5]. Возможны также классификации, основанные на преобладании статики и динамики, «бегства» и «реконструкции», когда речь идет о культурном коде, лежащем в их основе («прометеевском» или «пелагическом»). В исследованиях последних десяти лет (А.Е. Ануфриева [1], С.В. Бесчетниковой [2], Б.Ф. Егорова [6], О.А. Павловой [11], А.Н. Воробьевой [4], В.Н. Ковтун [8], В.И. Мильдона [9]) осмыслены утопии и антиутопии от первых произведений этого жанра до последних образцов антиутопии в русской литературе. Их наблюдения могут быть учтены при анализе конкретных текстов.

Активизация интереса к жанру утопии в России и в эмиграции была связана с новой идеологией, утверждавшейся в произведениях писателей, остававшихся в России, и развенчивавшейся теми, кто ее покинул. Литературные или повествовательные утопии «первой волны» эмиграции в 1920-х гг. представлены несколькими текстами, принадлежащими перу П. Краснова («За чертополохом», 1922), Н. Брешко-Брешковского («Когда рушатся троны, 1925), А. Ренникова («Диктатор мира», 1925), В. Куликовского «Во дни торжества Сатаны» (1922), И. Наживина, автора «утопических» рассказов. На наш взгляд, утопии, созданные в 1920-х гг. в советской России и в эмиграции, представляют собой произведения разных жанров, в которых реализованы различные утопические концепции. В общем виде они могут быть охарактеризованы, как коммунистическая и антикоммунистическая. Средством достижения мечты или идеального устройства общества является технический прогресс, и лишь в романе П.Н. Краснова «За чертополохом» – идеология русского национализма. Все произведения являются дихотомическими утопиями, направленными на преобразование внешнего мира, «Открытие Ризля» («Страна Гонгури») В. Итина повествует об изменении человека, за которым должно последовать изменение окружающего его

мира. Во всех произведениях использован пространственно-временной разрыв (сон, перемещение во времени), за исключением романа П. Краснова, в котором применен такой прием, как изоляция. Коммунистическим утопиям характерна идея социального равенства, антикоммунистические содержат ее критику или противопоставляют ей иную утопическую идею («контрутопия»).

Забытый роман А. Ренникова «Диктатор мира» (1925) несомненно заслуживает специального внимания как демонстрирующий одну из тенденций развития русской беллетристики в эмигрантской литературе. Он создан в русле произведений, эксплуатирующих идею исправления человечества или управление им из одного центра (одним человеком) с помощью технических средств. А.М. Ренников (Селитренников) принадлежит к кругу газеты «Новое время», хозяином и издателем которой был А.С. Суворин. Ему принадлежит целый ряд пьес, романы, статьи, фельетоны, история изучения которых невелика. В «романе будущего» действие происходит в 1950 г. в Германской социалистической республике. В России после долгих лет военной диктатуры восстановилась монархия и «условия жизни стали легче, чем во всей остальной Европе» [13, с. 6], в Германии победил технический прогресс: плавают «по небу громоздкие автобусы», «взметнулись с площадок домов частные аэропланы», «отошел <...> первый цепелин-поезд» [13, с. 5]. Политические события напоминают обычные для времени создания книги: «Во Франции по-прежнему конфликт между Палатой депутатов и Рабочим Сенатом... <...> В Швеции – страхование семей рабочих на случай запоя главы семьи... В Тимбукту, на юге Сахары, сторел кафешантан “Казино”... Во время исполнения кордебалетом популярной пантомимы “Грезы рабочего”...» [13, с. 8]. Однако в описании ощутима ирония автора, явно снижающего важность и, главное, смысл происходящих событий (запой главы семьи, пантомима «Грезы рабочего» и пр.). В быт прочно вошли приспособления для чтения, напоминающие сегодняшние планшеты или электронные книги, но в отличие от гаджетов, которыми пользуются сегодня, стеклянная библиотека была изобретена лишь для дешевых изданий, посвященных оккультизму и мистике. В будущем, описан-

ном А. Ренниковым, возможно быстрое перемещение по миру с помощью воздухоплавательных аппаратов, стремительно передается информация, более комфортен быт человека.

Подобные атрибуты будущего можно видеть и в утопиях, созданных в России. Так, первой советской утопией по праву считается роман В. Итина «Открытие Ризля» («Страна Гонгури», 1922). В. Итин использует плодотворный для утопического повествования пространственно-временной разрыв, достигаемый ситуацией «сна», в котором возникает будущее, однако применяет неудачный композиционный прием, когда герой ведет довольно монотонный и сбивчивый рассказ об увиденном через 2000 лет. Настоящее, т.е. естественный мир, дает для этой модели будущего некоторые элементы: «Воздушные корабли моего времени представляли собой стройные дельфинообразные тела, их оболочки были отлиты из легких металлов, в центральной верхней части помещались онтезитные поверхности, замкнутые в диафрагму изолятора, вроде тех, кто устраиваются в наших фотографических аппаратах. Движением диафрагмы сообщалось нужное ускорение по вертикали» [7]. Возникают в этой утопии и федоровские идеи превращения человеческой энергии: «Мир – энергия, Митч, она безгранична. Мы здесь нищие миллиардеры, мучаемся от ее недостатка, но она всюду. И нужно немного разума, немного коллективного разума, чтобы подчинить ее организующей силе сознания» [7]. В будущем, которое видел герой романа В. Итина, достигнуто гармоническое сочетание природного и научного: «межпланетное сообщение стало обычным», деньги потеряли свой смысл и ценность, их заменила полезная энергия: денежная единица приравнена к «силовой единице радия»; появились экраны, на которых высвечивались лица собеседников: они напоминают современный Skype.

Представления о будущем в утопиях 1920-х гг. выражены стереотипно: во всяком случае, в произведениях изображается победа технического прогресса над пространством и временем, описаны новые и совершенные средства получения и передачи информации. Так, в романе «Грядущий мир. 1923–2123» (1923) советского беллетриста Я. Окунева герой после помещения в анабиоз просыпается

через двести лет во всемирной коммуне. «К куполу причаливают воздушные машины. Они бесшумны. Ни моторов, ни крыльев. Это воздушные корабли с поршнями. Особые аппараты поглощают шум поршней. Сгущенная внутриатомная энергия приводит в движение небольшой двигатель. Корабль юрко-проворно и быстро скользит по воздуху. Прилетевшие на кораблях спускаются в зал на лифтах» [10]. Движение осуществляется по воздуху с помощью радиомобиля, новости распространяют электрогазеты, питание и сон заменила питательная жидкость, поддерживающая людей в постоянном состоянии бодрости и здоровья. Как и в романе В. Итина, Я. Окунев описывает способы передачи изображения и информации на расстоянии: «Смотрите на экран. Я вызову ее в своем воображении, и ее отражение из моей памяти перенесется по идеографу к вам. <...> Идеограф отпечатывает мысленное объяснение Стерна: – Это силовая электростанция. Она работает сама, без человеческого присмотра, как большинство наших механизмов, при помощи саморегуляторов. <...> Изображение электростанции исчезает. На экране опять Стерн» [10]. Сообщество свободных и счастливых людей перестало разговаривать: все читают мысли друг друга и охвачены общими чувствами. Как и В. Итин, Я. Окунев использует прием пространственно-временного разрыва с настоящим, перемещая героя в будущее с помощью достижений науки.

Модель счастливого мироустройства предполагает, однако, не только скачок во времени, но и изменение человека. В советских утопиях оно обусловлено победой новой идеологии, уравнивающей всех членов социума, одухотворенных свободным коллективным трудом и совместными научными исследованиями. Так, Гелий в утопии В. Итина становится ученым, который работает в «Мастерских Авторов» над своим изобретением. Герой Я. Окунева, оказавшись в будущем, наблюдает последствия развития науки, становясь ее жертвой: врачи избавляют его от чувств, мешающих свободному труду на благо сообщества. У В. Итина внимание акцентируется на переживаниях героя, а внешние атрибуты будущего прописаны недостаточно тщательно. Я. Окунев, напротив, сосредоточен на детальном объяснении

механизмов, управляющих совершенным социумом, а его герой оказывается анахронизмом со своими чувствами обиды, ревности, тоски, ностальгии и пр. Социальное устройство «грядущего мира» отвечает общераспространенным представлениям о коммунизме: это мир без классов и правительств, граждане живут, как хотят, но «каждый хочет того, чего хотят все»; в этом мире нет собственности, человеческий труд заменен машинами и все «спаяны общностью», поскольку это «одна коммунистическая семья», овладевающая силами природы. Все, кто не хочет работать, не ощущает единства с другими членами общества, ревнует или озлоблен, подвергаются лечению. В обществе будущего нет семей, а дети отрываются от родителей и воспитываются в колониях на Горных Террасах. Описанная Я. Окуневым социальная модель счастливого будущего, с одной стороны, напоминает Телемскую обитель Ф. Рабле. Напомним, что в его совершенном обществе все делали, что хотели, но каждый хотел того, чего хотели все. С другой стороны, идеи коллективного труда и особенно воспитания детей предвосхищают реализованные в тоталитарных обществах СССР и Германии трудовые и пионерские лагеря, исправительные колонии, карательную психиатрию и пр.

В романе А. Ренникова внимание сосредоточено на переустройстве внешнего мира. Автор создает пародию на коммунистическую утопию. Так, например, подруга Ариадны, Бенита, принадлежит к верхушке немецкого общества. Ее отец – «председатель союза объединенных германских метельщиков и помощник комиссара труда» [13, с. 11]. В семье есть «казенный автомобиль, аэроплан, два автоптера, на море у Свиномюнде в летнее время подводная лодка... И, кроме того, бесплатные билеты повсюду: в оперу, в театр Пантомим, в фотокинематографы...» [13, с. 11]. Новая элита пользуется теми же благами, что и аристократия в дореволюционные времена. Приехавший из России профессор Корельский рассказывает о том, как устроено новое общество у него на родине. Там восстановлена монархия, Земский собор, но рассказ о его деятельности становится пародией на дореволюционную Государственную думу. На его заседаниях «болтают, интригуют, мутят народ», правительство пользуется

поддержкой узкого круга депутатов от духовенства, профессоров, студентов, педагогов и ассоциации кустарей. Критика общественно-го устройства, приведшего Россию к революции, ведется с монархических позиций. Корельский провозглашает верность идее просвещенного абсолютизма, рассказывает о создании интернациональной лиги, которая видит своей целью свержение всех социалистических и демократических правительств и установление единоличного просвещенного правления во всем мире. Эту идею реализует в романе А. Ренникова Диктатор Мира, публикующий в газетах свои требования к правительствам всех государств. Требования диктатора сводятся к тому, чтобы страны и народы выполняли его указания: для этого он применяет некую силу, парализующую непокорных.

Финал романа с элементами фантастики повествует о том, как комиссия по борьбе с мистицизмом находит Ариадну и ее возлюбленного Владимира в отдаленном уголке планеты и направляется по маршруту Петербург – Берлин – Женева. Никаких сведений о том, как устроилась их жизнь после возвращения в Россию, в этом тексте нет. Вероятно, Т.Г. Петров, автор статьи о А. Ренникове в словаре «Русские писатели», которую мы цитировали выше, имел в виду другое произведение писателя, «За тридцать земель». В утопии «Диктатор мира» повествование завершается намерением вернуть героев на родину. В романе Я. Окунева аллюзии на современную ему действительность представлены несколько иначе. Он не критикует социалистические порядки, а моделирует их установление по всему земному шару. В этом романе представлена картина всеобщего благоденствия в мировых социалистических штатах.

Во всех анализируемых произведениях ощутимо знакомство писателей с учением Н. Федорова. Так, в романе А. Ренникова изобретатель Штральгаузен бьется над проблемой одушевления путем фиксации внешних проявлений человека и их воспроизведения. Косвенным подтверждением того, что речь идет об учении Н. Федорова, представляются нам слова Бениты: «Вообще не люблю философии» [13, с. 13]. И если у В. Итина в «Стране Гонгури» учение Н. Федорова интерпретируется как возможность изменения

человеческой природы, – Гелий становится выносливым, переносит сильные морозы, живет на далекой планете без солнца и воды, развивает свои творческие способности, – то у А. Ренникова на это направлены достижения науки. «...Теперь, после того, как тайна превращения материи в энергию технически к нашим услугам, – объясняет Штральгаузен, – <...> Мы подошли к магическому периоду техники, к техномагии. <...> Человек в старое время при помощи изобретений копировал то, что по частям находилось у него самого в организме: рычаги рук и ног, зрительные стекла глаз, мембрану уха. <...> Старая техника не могла сложить подобные части в одно органическое целое. Она не могла их связать, вдохнуть в них то, что вы до сих пор называете душой. <...> И техномагия, как протест смещения всей техники с технологией, ставит перед собой основной задачей заниматься именно не таким мертвым анализом, а творческим синтезом, цель которого – достижение полной одушевленности» [13, с. 14-15]. Изобретатель стремится к созданию, говоря современными словами, биоробота и работает над одушевлением изображений (стереопортреты). Гелий в романе В. Итина рассказывает о том, что сам чувствовал и видел в обществе будущего. О преобразовании внешнего мира в романе Я. Окунева и А. Ренникова рассказывают ученые: профессор Моран, изобретший анабиоз, Стерн – ученый будущего, изобретатель Штральгаузен. В устах ученых возможна специальная терминология, подробный рассказ о том, как работает тот или иной прибор, у Гелия – нет: автор избирает форму повествования от первого лица и насыщает речь героя анализом его переживаний. В. Итин также создает образ ученого – врача Митча. Он не владеет никакими способами перемещения во времени или в пространстве: он воздействует на подсознание Гелия, гипнотизирует его. В образах ученых, созданных в утопиях 1920-х гг., отсутствуют оригинальные индивидуальные черты: они являются трансляторами какой-либо научной идеи, положенной в основу представлений писателя о будущем.

Таким образом, в романах В. Итина и Я. Окунева использован такой композиционный прием, как пространственно-временной разрыв, достигаемый научными средствами (гипноз, анабиоз), и

демонстрация будущего, увиденного глазами путешественников во времени. Модель будущего соответствует стереотипным представлениям о коммунизме в сочетании с достижениями технического прогресса. В утопии В. Итина на первый план выдвигается трансформация «старого» человека в создателя нового мира, у Я. Окунева представлена реализация элементов умозрительной коммунистической теории. «Диктатор Мира. Роман будущего» А. Ренникова является пародией на коммунистическую утопию. В романе отсутствует перемещение в иное время и пространство как обретение идеального мира, показаны достижения науки и техники как элементы быта, использован аспект «бегства» от власти Диктатора Мира на далекие острова. Пародированию подвергается современное автору социальное и политическое устройство путем перелицеования и укрупнения знакомых читателю общественно-политических реалий. Во всех романах ощутимо знакомство с «космизмом» Н. Федорова, а также тоталитарной идеологией: лечение тех, кто устал от строительства нового мира (В. Итин), трудовая повинность, единомыслие, изоляция детей и психиатрическая коррекция личности (Я. Окунев), выселение вражеских классов и их насильственный труд (А. Ренников). В романе А. Ренникова использована научная гипотеза о существовании лучей, способных действовать на расстоянии, напоминающая гиперболюид инженера Гарина. Как и в повести А.Н. Толстого, где инженер мыслился, как диктатор, Диктатор Мира А. Ренникова использует парализующие лучи для достижения личных целей.

Литература

1. Ануфриев А.Е. Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX в.: Эволюция, поэтика: дисс. на соискание ученой степ. доктора филол. наук.: спец. 10.01.01. «Русская литература» / А.Е. Ануфриев. – М., 2002. – 381 с.
2. Бесчёрникова С.В. Утопическая парадигма художественного мышления переходной культурной эпохи (на материале русской прозы рубежа XX-XXI вв.): Монография / С.В. Бесчёрникова. – Донецк : Лебедь, 2007. – 500 с.
3. Виттенберг Б. Путешествия в мир утопий (Обзор книг по литературной утопии) [Электронный ресурс] / Б. Виттенберг // Новое литератур-

ное обозрение. – 2008. – № 93. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/vi33.html>.

4. Воробьева А.Н. Русская антиутопия XX века в ближних и дальних контекстах / А.Н. Воробьева. – Самара: Изд-во Самарского науч. центра РАН, 2006. – 268 с.

5. Геллер Л. Утопия в России [Текст] / Л. Геллер, М. Нике [Пер. И. Булатовский] – СПб.: Гиперион, 2003. – 312 с. (Серия: Utopia humana). Режим доступа: <http://www.rulit.net/books/utopiya-v-rossii-read-185480-1.html>.

6. Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель / Б.Ф. Егоров. – СПб.: Искусство, 2007. – 416 с.

7. Игин В. Открытие Риэля (Страна Гонгури) [Текст] / В. Игин // Советская фантастика 20–40-х годов: [Сб. / Сост., вступ. ст. и коммент. Д. Зиберова; Илл. А. Яцкевича]. – М.: Правда, 1987. – Б-ка фантаст.: в 24 т. – Т. 6. – 574 с. Режим доступа: http://librebook.ru/strana_gonguri_1.

8. Ковтун Н.В. Русская литературная утопия второй половины XX века: Монография / Н.В. Ковтун. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005. – 536 с.

9. Мильдон В.И. Санскрит во льдах, или возвращение из Офира: Очерк русской литературной утопии и утопического сознания / В.И. Мильдон. – М.: РОССПЭН, 2006. – 288 с. (Российские Пропилеи).

10. Окунев Я. Грядущий мир. 1923–2123 [Текст] / Я. Окунев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/o/okunew_j_m/text_1923_gryadushiy_mir.shtml.

11. Павлова О.А. Русская литературная утопия 1900-1920-х гг. в контексте отечественной культуры: автореф. дисс. на соискание ученой степ. доктора филол. наук: 10.01.01. «Русская литература» / О.А. Павлова. – Волгоград, 2006. – 24 с.

12. Петров Т.Г. Ренников / Т.Г. Петров // Русские писатели 20 века. Биографический словарь [Гл. ред. и сост. П.А. Николаев]. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», «Рандеву-АМ», 2000. – С. 590-591.

13. Ренников А. Диктатор мира. Роман будущего [Текст] / А. Ренников. – Белград: Книгоиздательство М.А. Суворина, 1925. – 207 с.

Анотація

К.В. Хінклядзе. Про своєрідність оповідної утопії 1920-х рр.

У статті йдеться про утопії 1920-х рр., створені у радянській Росії та в еміграції. У романах В. Ітіна та Я. Окунева використаний такий композиційний прийом, як просторово-часовий розрив, який досягається

науковими засобами (гіпноз, анабіоз), та демонстрація майбутнього, яке побачив мандрівник у часі. Модель майбутнього відповідає стереотипним уявленням про комунізм разом із досягненнями технічного прогресу. В утопії В. Ітіна акцентується на перетворенні «старої» людини в будівника нового світу, у Я. Окунева реалізуються елементи умоглядної комуністичної теорії. «Диктатор Світу» А. Реннікова є пародією на комуністичну утопію. У романі відсутні переміщення у інший час та простір як досягнення ідеального світу, продемонстровані досягнення науки і техніки як елементи побуту, використаний аспект втечі від влади Диктатора Світу на далекі острови. Пародіюється сучасний авторові соціальний та політичний устрій шляхом перепрочитання та укрупнення знайомих читачеві суспільно-політичних реалій. У всіх творах відчутне знайомство із «космізмом» М. Федорова.

Ключові слова: утопія, антиутопія, пародія, просторово-часовий розрив, модель майбутнього.

Анотація

Е.В. Хинкиладзе. О своеобразии повествовательной утопии 1920-х гг.

В статье речь идет об утопиях 1920-х гг., которые созданы в советской России и в эмиграции. В романах В. Итина и Я. Окунева использован такой композиционный прием, как пространственно-временной разрыв, достигаемый научными средствами (гипноз, анабиоз), и демонстрация будущего, увиденного глазами путешественников во времени. Модель будущего соответствует стереотипным представлениям о коммунизме в сочетании с достижениями технического прогресса. В утопии В. Итина на первый план выдвигается трансформация «старого» человека в создателя нового мира, у Я. Окунева представлена реализация элементов умозрительной коммунистической теории. «Диктатор Мира. Роман будущего» А. Ренникова является пародией на коммунистическую утопию. В романе отсутствует перемещение в иное время и пространство как обретение идеального мира, показаны достижения науки и техники как элементы быта, использован аспект «бегства» от власти Диктатора Мира на далекие острова. Пародированию подвергается современное автору социальное и политическое устройство путем перелицеования и укрупнения знакомых читателю общественно-политических реалій. Во всех романах ощутимо знакомство с «космизмом» Н. Федорова.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, пародия, пространственно-временной разрыв, модель будущего.

Summary

E.V. Khinkiladze. About the Originality of the Narrative Utopia of the 1920th.

The article is devoted to the utopias of the 1920th created in the Soviet Russia and emigration. The space-time gap compositional method achieved by the scientific means (hypnosis, anabiosis) and the demonstration of future seen through the eyes of time travelers is used in the novels of V. Itin and Y. Okunev. The model of future corresponds to the stereotypical ideas about communism in combination with technological progress. Transformation of the «old» man in the creator of a new world is the key concept of the V. Itin's utopia; Y. Okunev shows the implementation of speculative elements of the communist theory. «Dictator of the World. The novel of the future» by A. Rennikov is the parody on the communist utopia. Time and space shift as the acquisition of the ideal world is not used in the novel; scientific and technological achievements are depicted as elements of everyday life, the aspect of «escape» from the Dictator of the World on the remote islands is presented. Social and political structure of that time becomes the subject of parody by turning and exaggerating familiar for the readers social and political life. In all the novels there is some resemblance with N. Fedorov's «cosmism».

Keywords: utopia, dystopia, parody, space-time gap, the model of future.

Інформація про автора

Хінкіладзе Катерина Валеріївна – ORCID: 0000-0002-8292-3495; кандидат філологічних наук, доцент, завідувача кафедри мовної підготовки Національного аерокосмічного університету ім. М.С. Жуковського «Харківський авіаційний інститут»; вул. Чкалова, 17, Харків, 61000